

Среди множества книг о Макиавелли, которые можно было прочитать за последние десятилетия, эта сильно выделяется. Красноречиво написанная, с острыми аргументами и взглядом на прошлое и настоящее, книга Педуллы успешно раскрывает как многочисленные достоинства, так и многочисленные недостатки, привлекательность и опасность теоретической работы, завещанной нам итальянским мыслителем и государственным деятелем. Всем, кто интересуется энергетикой политики, обязательно стоит прочитать эту замечательную книгу.

*Аксель Хоннет, профессор философии
Франкфуртского и Колумбийского университетов*

Книга Педуллы о Никколо Макиавелли станет самым важным вводным исследованием о Макиавелли на любом языке. Эта работа, содержащая биографические подробности и исторический контекст, а также краткий и проницательный анализ основных трудов Макиавелли, отличается большой глубиной, пониманием и оригинальностью.

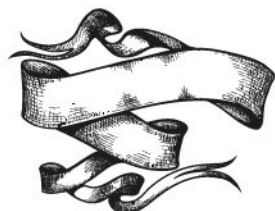
*Джон П. Маккормик, профессор политологии
Чикагского университета*

Чрезвычайно богатый анализ достижений Макиавелли, объединяющий его политические и литературные труды с жизнью и взглядами на религию. Более того, в книге рассказывается о спорном наследии Макиавелли с момента смерти до нынешней актуальности, что делает ее непревзойденной по своему охвату и привлекательности для разносторонней читательской аудитории.

*Элисон Браун, почетный профессор
исторического факультета Лондонского
университета Ройял Холлоуэй*

ГАБРИЭЛЬ
ПЕДУЛЛА

НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ

СТЯЖАТЬ ВЛАСТЬ,
НЕ СТЫЖАТЬ СЛАВУ

УДК 94(450):929Макиавелли
ББК 63.3.(4Ита)4-8
П24

Gabriele Pedullà
"On Niccolò Machiavelli. The Bonds of Politics"
Перевод с английского языка Николая Баратова

*This Russian language edition is a complete translation of the U.S. edition,
specially authorized by the original publisher, Columbia University Press.*

Педулла, Габриэль

П24 Никколо Макиавелли. Стяжать власть, не стяжать славу (Персона) /
Стяжать власть, не стяжать славу. Никколо Макиавелли (Исторический
интерес) ; [пер. Н. Баратова]. — М. : Колибри, Азбука-Аттикус, 2024. —
224 с.

ISBN 978-5-389-24181-7 (Персона)
ISBN 978-5-389-25016-1 (Исторический интерес)

История оживает на страницах книги: миссии, интриги, обвинения, опала, амнистия... Макиавелли жил и действовал решительно, с готовностью принимая новые знания и расширяя свое мировоззрение.

Не одно поколение политиков, философов и литераторов изучало, оспаривало, восхваляло и продвигало философские трактаты Никколо Макиавелли.

Профессор Габриэль Педулла не просто рассказывает о жизни Макиавелли, но и беспристрастно анализирует его труды «Государь», «О военном искусстве» и «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия».

УДК 94(450):929Макиавелли
ББК 63.3.(4Ита)4-8

Книга выходит на русском языке в двух сериях под названиями «Никколо Макиавелли. Стяжать власть, не стяжать славу» (серия «Персона») и «Стяжать власть, не стяжать славу. Никколо Макиавелли» (серия «Исторический интерес»).

© Columbia University Press, 2023
© Баратов Н. А., перевод, 2024
© Издание на русском языке,
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2024
Колибри®

Оглавление

Предисловие. Мыслитель с тысячью лиц	9
Глава 1. От гуманизма к политике	15
Потерянный рай	15
Революция!	23
Непрестанное изучение дел минувших	30
Многолетний опыт в делах настоящих	36
Глава 2. Народный «Государь»	46
Иллюзия, фундамент и поток	46
«Государь» как «зерцало»	50
«Государь» как «совет»	55
Полезные добродетели	65
Искусство связей	74
Глава 3. В одном саду с древними римлянами	80
А что если? Урок «несбывшегося прошлого»	80
«Рассуждения» как «форма дискурса»	89
Конституционная инженерия	94
По стопам Дионисия Галикарнасского	100
Позитивные конфликты (и другие блестящие идеи)	106
Как умирают республики	115
Гражданская религия: древность и наши дни	120
Как выживают республики	124
Глава 4. Возвращение к славе	130
И вновь политика	130
«Мандрагора» на сцене Флоренции	133
Изобретение тактики: «О военном искусстве»	138
Политическая теория другими средствами: «История Флоренции»	148

<i>Глава 5. Дальнейшая судьба</i>	161
Спорное наследие (1523–1539)	161
Макиавелли — теоретик абсолютизма и враг аристократов	163
Макиавелли — сторонник плебисцита	165
Макиавелли — хладнокровный политолог	167
Макиавелли — антихрист	168
Макиавелли — тайный республиканец	170
Порицания и доработки (1540–1815)	171
Атеист и друг тиранов	173
Макиавелли — натуралист	175
Макиавелли — методист	176
Теоретик государственного интереса	177
Неоаристотелианец	179
Теоретик смешанного строя	179
Макиавелли — революционер	180
В зеркале Великой французской революции (1816–1945)	182
В зеркале Веймарской республики (1946 — до наших дней)	196
Хронология	209
К дальнейшему прочтению	212

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мыслитель с тысячью лиц

Ежедневно я прихожу к выводу, что вы превосходите даже тех пророков, что рождались у евреев и иных народов.¹

*Из письма Филиппо Казавеккиа
к Никколо Макиавелли,
17 июня 1509 года*

Можно с уверенностью сказать, что среди политических мыслителей Запада нет никого, чья история преподносилась бы столь же противоречиво, как история Никколо Макиавелли. Ученые и сегодня ведут непрестанные споры, все пытаясь понять: кем же он был? Водил ли он дружбу с тиранами, как уверяет многовековая «черная легенда»? Примкнул ли он в какой-то момент к правящей династии Медичи — или остался навеки верен республиканским институтам родной Флоренции? Имеем ли мы право назвать его провозвестником политического реализма, желавшим изобразить людей не в лучшем, а в истинном свете? И можем ли мы согласиться с тем, что именно он, как стали говорить после Великой французской революции, первым отделил политику от этики и религии? Предвосхитил ли он другую мысль тех переломных лет — о том, что современное государство рождается и расцветает в борьбе с феодальной властью? Вдохновлялись ли его трудами творцы силовой политики и тоталитарных режимов

¹ Пер. А. Уткина. — По изданию: Каппони Н. Макиавелли. — М.: Вече, 2012. — С. 172.

XX века? Был ли он «Галилеем политического мира», заложившим теоретические основы политической науки и в конечном счете политических «технологий»? Или его лучше представлять как великого творца политических мифов, наделенного способностью выражать свои идеи в ярких образах? Вспомним и кентавра Хирона, учителя величайших героев Эллады; и фортуна, которую «колотят», желая с ней «сладить», ревностные и пылкие политики; и берега доблести, призванные сдержать бурную реку судьбы... Стремился ли он к благополучию всего общества — или же выступал на стороне простых людей, оберегая их от флорентийских олигархов? Возможно ли провозгласить его пророком национального единства Италии? Или его стоило бы восславить как наиболее оригинального из всех современных теоретиков, изучавших смешанное правление, поскольку над строками его произведений размышляли, создавая Конституцию, отцы-основатели США? Что будет лучше для нас: пытаться понять, сомневался ли он в самих основах христианской веры, или по достоинству оценить его мысли о важности гражданской религии, в которой страх божественного наказания поддерживает уважение к клятве? А как быть с крылатой фразой «Цель оправдывает средства»? Многие приписывают эту максиму именно великому итальянцу, хотя на самом деле это знаменитый лозунг иезуитов — «Когда благая цель, то хороши и средства», и ни в одном труде Макиавелли такой сентенции мы не найдем.

В дальнейшем мы постараемся ответить на эти вопросы, а пока что, в качестве преамбулы, сделаем лишь несколько предварительных замечаний. Во многих отношениях Макиавелли заслуживает признания как предвестник, новатор и даже борец с предрассудками — но в его истории это лишь малая часть. В годы, когда новая гуманистическая культура, основанная на подражании Античности, позволила Италии воссиять на фоне других европейских стран, Макиавелли, получивший превосходное образование, мог свободно знакомиться с неисчислимым множеством древнеримских и древнегреческих текстов, переведенных на латынь. И пусть даже со временем ему предстояло

выступить против политической теории гуманистов и стать ее критиком, он никогда не переставал искать вдохновения в трудах древних мудрецов — в отличие, скажем, от Томаса Гоббса, которого также считают отцом современной политической философии. В этом Макиавелли напоминает двуликого Януса, древнеримского бога начинаний и завершений, одно лицо которого обращено в прошлое, а другое — в будущее.

Впрочем, если мы хотим лучше осознать, какое место занимает Макиавелли в западной политической мысли, не менее полезным представляется и другое противопоставление — между сторонниками господствующих воззрений и мыслителями, желающими выйти за общепринятые рамки. Как это ни странно, произведения Макиавелли, «укорененные» в самом сердце канона, при этом (и иногда в то же самое время!) понимались совершенно неправильно или прочитывались лишь фрагментарно. Если сравнить идеологию с непробиваемым и невидимым оконным стеклом, то будет справедливо сказать, что Макиавелли принадлежал к немногим обладателям редкого дара, позволявшего находить в этом стекле уязвимые места и разбивать его на мелкие осколки. Кроме того, он был способен идти против течения, что еще более важно и заслуживает особого внимания при знакомстве с его литературным наследием. Вот как выразил это Франческо Гвиччардини, друг Никколо, в письме к нему от 18 мая 1521 года: «Вы всегда были человеком, придерживающимся по преимуществу экстравагантных мнений, несходных с общими, и изобретателем нового и необычного»¹.

Склонность к инакомыслию и мятежный характер не позволяли Макиавелли легко сходиться с людьми, и иногда ему приходилось дорогой ценой платить за свою откровенность. Однако именно потому, что самые смелые его идеи воспринимались столь неоднозначно, они актуальны и по сей день — конечно, при условии, что мы освободим их от упрощенческих формули-

¹ Пер. М. Юсима. — По изданию: Гвиччардини и Макиавелли у истоков исторической науки Нового времени. Сборник статей / Отв. ред. М. А. Юсим. — М.: Институт всеобщей истории РАН, 2020. — С. 165.

ровок, в свете которых на протяжении последних двух столетий воспринимались его «Государь» и «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия». Понять такого автора, как Макиавелли, чьи сочинения неизменно производили фурор среди современников, можно только в том случае, если знать исторический контекст, в котором его творения обретали форму и становились сенсацией.

Поэтому в попытках рассуждать о его намерениях, целях и замыслах мы уделим особое внимание двум моментам. Во-первых, мы подробно рассмотрим те традиционные и нетрадиционные формы, с помощью которых он выражал свои идеи. Ключевая мысль, которую нам предстоит раскрыть в процессе, заключается в том, что жанры, присущие эпохе Возрождения, следует представлять не как набор императивов, навязанных авторам, а как увеличительные стекла, позволявшие им смотреть на мир и тем самым выстраивать свое мировоззрение. Особенно это касается Макиавелли. Он не только вдохнул новую жизнь в древние, освященные веками формы литературных произведений, добавив в них элементы других жанров («О военном искусстве», «Мандрагора», «История Флоренции»), но и со спокойным сердцем подорвал в своем «Государе» основы многих неписаных правил, по которым создавались книги наставлений для правителей, а в «Рассуждениях» *ex novo*, с чистого листа, создал философский жанр, которому было суждено за три столетия «завоевать» Европу и положить начало современным эссе. Формальные приемы, выбранные мыслителем для изложения своих идей, неизменно важны, но они еще более примечательны, когда речь идет о Макиавелли, великом драматурге и одном из величайших итальянских литераторов.

Во-вторых, мы попытаемся выявить те незримые нити, которые связывают все произведения Макиавелли воедино. За долгое время сложилась традиция, в соответствии с которой «Государя» и «Рассуждения» было принято рассматривать как противоположности. Первый трактат, по мнению комментаторов, был проникнут одобрительным отношением к «сильной руке» властелина, а вторая книга носила прореспубликанский характер, поэтому

их считали несовместимыми. Однако прежде всего стоит отметить, что усилия, вложенные в эти труды самим Макиавелли, значительно различаются. Если «Государь» — это блестящий образец литературного мастерства, созданный в определенных обстоятельствах и с определенной целью, то «Рассуждения» — это плод долгих размышлений, а также всесторонняя переоценка природы свободных форм правления, призванная объяснить, как устроены эти формы и как они могут продлить свое существование. В дальнейшем мы еще не раз подчеркнем абсолютную цельность убеждений Макиавелли — и его неослабевающий интерес к социальным и политическим связям; и его стойкую и даже неистовую решимость противостоять олигархам; и его благосклонное отношение к государственным деятелям, взошедшим на вершину власти самостоятельно, без опоры на семейные привилегии. Мы будем говорить и о том, что он в полной мере осознавал экономические аспекты властных отношений (это было необычно для его времени) и постоянно уделял внимание вопросам, связанным с войной. А кроме того, мы покажем, сколь явное предпочтение при наставлении будущих властелинов Макиавелли отдавал примерам, почерпнутым не из философии, а из истории, — и это далеко не все моменты, которые будут рассмотрены в книге. Сегодня Макиавелли прославляют как истинного реалиста, а некоторые даже считают, что именно он создал такое явление, как политический реализм. Несомненно, с такими воззрениями он был просто обязан прекрасно ориентироваться в самой разной обстановке и уметь к ней приспосабливаться. Однако если внимательно прочесть его труды и оценить их в историческом контексте, мы увидим, насколько необычайно он последователен в своих идеях — от самых истоков его творчества, проникнутого духом гуманизма, до последних лет жизни, когда он, пройдя через тернии к звездам, наконец-то ненадолго обрел давно заслуженную славу.

И наконец, завершая предисловие, я хотел бы поблагодарить Гарета Уильямса и Элизабет Ладенсон — за предложение написать эту книгу и неизменную поддержку в ходе редак-

туры. Кроме того, я признателен редакционной коллегии *Core Knowledge* и анонимным рецензентам, значительно улучшившим мой текст. Мне очень помогли трое друзей-знатоков, щедро делившихся своим мнением о рукописи: это Джулио Аццолини, Жереми Бартас и Ив Винтер. Ценные библиографические сведения предоставили Пьеро Инноченти и Мариэлиса Росси. Первые наброски по большей части появились весной 2022 года в Институте перспективных исследований в Принстоне (где гостеприимные духи Феликса Гилберта и Альберта Хиршмана часто составляли мне компанию по ночам). Изначальную версию трех первых глав я представил на «Семинаре по раннему Новому времени» (*Early Modern Seminar*), который вела Франческа Тривельято, — я помню ее ценные комментарии и пылкое обсуждение, в которое вовлеклись и другие участники, особенно Джереми Фoa, Эмили Каденс, Диана Ким, Питер Лейк и Робин Мараско. В марте 2022 года черновик третьей главы послужил основой для лекции в Гарварде, куда меня пригласил Франческо Эрспамер. Последние исправления я вносил в Калифорнийском университете в Беркли, где по приглашению Мии Фуллер заведовал кафедрой итальянской культуры в ходе весеннего семестра 2023 года; на этой стадии ряд страниц прошел «боевое крещение» на семинаре «Итальянская современность» (*Italian Modernities Seminar*), где я оказался благодаря Лауре Уитман. Патриция Габорик и Бретт Сэвидж любезно проверили мой английский и довели его до совершенства, причем у Патриции на это ушло несколько попыток. Всем им я выражаю мою глубочайшую благодарность.

Глава 1

От гуманизма к политике

Притом беды, постигшие Италию, вызвали тем большее уныние и страх у ее жителей, что общее ее положение было тогда вполне благоприятным и завидным¹.

Франческо Гвиччардини.
История Италии

ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ

Никколо Макиавелли — представитель одного из тех поколений, которым выпадает жить во времена, когда настоящее жестоко и немилосердно, а в недавнем прошлом всем видится золотой век. Для самого Макиавелли эта черта, разделившая время на «до» и «после», была проведена в 1494 году. Ему тогда исполнилось двадцать пять лет, а Карл VIII, король Франции, перешел Альпы с огромной армией, решив предъявить права на свое наследие — Неаполитанское королевство. Вторжение монарха на Апеннинский полуостров не только изменило местный баланс сил на несколько веков, но и стало настоящей катастрофой в сознании итальянцев. Поэтому суть произведений Макиавелли раскроется перед нами только в том случае, если мы будем помнить, что они созданы на фоне глубочайшего потрясения культурных, политических и экзистенциальных основ бытия.

¹ Пер. М. Юсима. — По изданию: История Италии. В двух томах. Пер. с итал. и подготовка издания М.А. Юсима. — Т. 1. — М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2019. — С. 7.

Ко времени, когда произошли эти события, Италия благоденствовала уже сорок лет. Мир воцарился еще в те далекие дни, когда под натиском османов пал Константинополь (1453). Европу тогда охватил страх, и уже в следующем году сильнейшие итальянские державы заключили в Лоди договор, к которому впоследствии присоединились швейцарцы. С тех пор конфликты с вовлечением государств происходили на полуострове лишь изредка, и почти всегда их воспламенял воинственный папа Сикст IV (1471–1484). Так что мирные соглашения оказались необычайно эффективны, если закрыть глаза на то, что они не отразились на внутренних делах Неаполитанского королевства, где даже в период их действия случилась гражданская война. Подобная безмятежность покажется поистине райской, если мы вспомним, что происходило в те годы в других частях Европы. Франция одолела Англию в Столетней войне (1453), но насладиться плодами победы не успела: страну тут же охватили внутренние распри, и правящий дом вступил в борьбу с влиятельными феодалами. В Англии на протяжении тридцати лет (1455–1485) грызлись между собой Ланкастеры и Йорки. Испания все еще была разделена на четыре отдельных королевства, и пусть даже брак Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской положил начало объединению большей части Пиренейского полуострова, стране еще предстояла изнурительная и кровавая гражданская война (1475–1479), а вскоре после ее завершения королевская чета повела военную кампанию против Гранады, последнего оплота мусульман в Европе; эта кампания длилась десять лет (1482–1492) и завершилась победой испанцев.

В Италии формально сохранялся средневековый строй. Центр и север, включая Тоскану, под названием Итальянского королевства входили в состав Священной Римской империи. В остальных областях Центральной Италии властвовала церковь, и Неаполитанское королевство, в полном соответствии с системой феодальных отношений, считалось обычным вассалом папы римского, точно так же как Сардинское королевство — вассалом императора. Единственным городом-государством,

официально независимым от двух обладателей верховной власти — церкви и империи, была Венеция, которая в IX веке получила полную юрисдикцию над Венецианской лагуной по соглашению между императорами Священной Римской империи и Византии.

Впрочем, если оставить формальности в стороне, то в действительности все обстояло совсем иначе, и территория под Альпийской дугой была крайне раздроблена. Помимо пяти крупных держав — Венецианской республики, Миланского герцогства, Флорентийской республики, Папской области и Неаполитанского королевства — Лодийский мир зафиксировал еще сто пятнадцать мелких политических единиц. В этом полицентричном устройстве больше всего посчастливилось Венеции, которая с 1405 года постоянно увеличивала свои владения на материке — Терраферму, или «твердую землю», названную так ради отличия от средиземноморских форпостов, обеспечивавших Светлейшей республике прибыльную торговлю с Востоком. Милан, где правил род Висконти, неоднократно был близок к тому, чтобы объединить центральные и северные области в крупное государство под своим началом, однако все подобные попытки неизменно терпели крах, и с 1450 года, когда герцогом стал Франческо Сфорца, связанный с Висконти узами брака, их больше не предпринимали. Флорентийская республика серьезно уступала в военном отношении и Венеции, и Милану, зато обладала обширной торговой и финансовой сетью, раскинутой по всему континенту, и благодаря своему богатству могла при необходимости нанимать самых прославленных военачальников. Папская область тоже раскинулась широко, но, несмотря на размах, во многих этих землях ее влияние было лишь номинальным, а кроме того, ее силы подрывало непрерывное соперничество семей Орсини и Колонна — римских феодальных родов, забывавших о своей вражде лишь тогда, когда речь заходила об ограничении власти понтифика. И наконец, Неаполитанское королевство после многих перипетий, завершившихся опустошительной гражданской войной (1435–1442), перешло от французской Анжуйской династии к младшей ветви испанской

Арагонской короны, после чего в нем произошли два восстания крупной знати (1459–1464; 1485–1486), которые еще сильнее его ослабили. В эту систему по мере сил встраивались второстепенные государства, например мелкие княжества Центральной Италии, правители которых становились во главе наемных отрядов и прекрасно зарабатывали в этой роли, оказывая услуги пяти главным политическим игрокам.

Рис. 1.1. Италия в 1494 году

Устранив внутренние конфликты, Лодийский мир защитил Италию и укрепил ее перед лицом внешних угроз. Но даже несмотря на то, что итальянцы теперь воевали реже, соперничество местных «центров силы» не прекратилось, и второй половине XV века предстояло оказаться эпохой драматичных заговоров. Сценой, на которой они разворачивались, в разные годы становились Рим (1453, 1467), Неаполь (1459, 1485), Милан (1476) и Флоренция (1478); казалось, что к этой болезни невосприимчива лишь венецианская аристократия. Одним словом, там, где прежде вели открытый бой, теперь сплетались козни — о, как легко вообразить коварную Италию эпохи Возрождения! Впрочем, нам лучше отказаться от бездумного следования шаблонам, поскольку в подобном исходе скорее стоит увидеть побочный эффект успешного сдерживания вооруженных конфликтов — и, следовательно, триумф дипломатии. Поэтому неудивительно, что некоторые флорентийские авторы (Бернардо Ручеллаи, Франческо Гвиччардини, Никколо Макиавелли), вспоминая о долгом периоде мира уже в начале XVI века, когда этот мир стал достоянием истории, создали термин «баланс сил». В последующие годы это выражение звучало все чаще, когда речь заходила о государственном строе всей Европы, а в дальнейшем ему предстояло стать одной из основ современных международных отношений.

Однако даже разобщенность не мешала жителям полуострова мыслить об Италии — и о себе самих, к ней сопричастных — на основе четырех критериев, которыми стали: расположение (земли к югу от Альп), язык («пленительный край, где раздается *si*»¹, как писал Данте), этнос (потомки римлян) и культура (истинные наследники классической традиции). Более того, если в Средние века Италию, местопребывание Святого престола, прежде всего считали средоточием религиозной власти, имперскую Германию — олицетворением власти гражданской, а Францию

¹ Пер. М. Лозинского. — По изданию: Данте Алигьери. Божественная Комедия. — М: Правда, 1982. — С. 176.

с ее университетами — центром учености, то с XIV века одной из главных черт, отличавших Италию от всех других европейских стран — даже несмотря на существенные различия между ее областями, — все чаще признавалось возрождение древнегреческой и древнеримской культуры, проходившее при активном содействии гуманистов.

В годы, на которые пришлось детство Макиавелли, чувство «родной земли» сочеталось у жителей Апеннинского полуострова с ощущением превосходства над всеми остальными народами, которое они выражали вполне откровенно. Как впоследствии с сожалением отмечал голландский гуманист Эразм Роттердамский в диалоге «Юлий, не допущенный на небеса», итальянцы, «проникшись литературой язычников, переняли у последних страсть присваивать имя варваров всем, кто рожден за пределами Италии. И если вы услышите эту грубость из уст итальянца, знайте, что он оскорбил вас сильнее, чем если бы вы обозвали его отцеубийцей или святотатцем» (*Julius exclusus e coelis*, 1514).

Однако такое отношение не было лишь следствием местечкового высокомерия. Первейшее основание для гордости было самым древним и очевидным: в Италии, в Риме, находился Святой престол, а папа римский не только направлял всех христиан в делах духовных, но и обладал непререкаемой властью арбитра в конфликтах между европейскими государствами. Именно папа Александр VI в своей булле (*Inter caetera*, 1493) провел демаркационную линию, установившую пределы испанских и португальских сфер влияния в мире, в том числе на Американском континенте, недавно открытом Христофором Колумбом; Тордесильяский договор, заключенный в 1494 году, подтвердил и уточнил эти границы. Церковь господствовала не только в вечном, но и в бренном мире, и зримым знаком этой власти — причем одним из многих — были налоги, обильной рекой текущие со всей Европы в Рим.

Кроме того, Италия была одной из самых богатых и урбанизированных европейских стран. В городах проживало

около четверти всего ее населения, особенно в центральных и северных областях, которые как минимум с XIII века вместе с Фландрией — территорией, на которой в наши дни располагаются Бельгия и Голландия, — определяли экономику континента. На этом повсеместном процветании благотворно сказался и сорокалетний мир, пришедшийся на XV столетие, поэтому в 1494 году французские захватчики, войдя в Италию, вполне могли узреть перед собой обетованную землю — и вожденный трофей. Карл VIII, завоевав Неаполь, в восторге писал герцогу Бурбонскому: «Вы не поверите, какими прекрасными садами я владею в этом городе. Клянусь честью, здесь не хватает только Адама и Евы, чтобы превратить их в земной рай».

Кроме того, новые пути, по которым Италия пошла еще с конца XIII века, начав свое новое знакомство с античной цивилизацией, позволили стране обрести неоспоримое культурное превосходство. Причину усматривали в том, что гуманисты возродили давно забытые стихотворные формы и литературные жанры и переняли классические образцы в искусстве. Впрочем, это было далеко не все — они также поняли, как получить немалую практическую пользу, обратив себе во благо глубочайшие познания древних греков и римлян в медицине, ботанике, анатомии, географии и астрономии, а если говорить в более широком смысле — то и во всем многообразии теоретических и прикладных наук. Именно это явление, первоначально исключительно итальянское, современники стали называть новым «золотым веком»; в наше время оно не столь высокопарно именуется эпохой Возрождения.

И наконец, пусть даже с 1454 года на полуострове утихли войны и царило спокойствие, итальянцы все равно считали себя обладателями одной из самых мощных военных систем в Европе. Во-первых, полуостров славился своими полководцами-кондотьерами. А во-вторых, после Лодийского мира на континенте осталось лишь три государства, располагавших постоянными и значительными армиями: Франция (9 тысяч солдат),

Венецианская республика (8 тысяч) и Миланское герцогство, чуть уступавшее последней; как видим, два из этих трех государств находились в Италии. В этом отношении интересен один любопытный факт, отраженный в депешах миланского посла: в тот роковой момент, когда вторжение Карла VIII стало уже неизбежным, при дворе Неаполитанского королевства беспокоились лишь о том, сможет ли французский государь привлечь на службу итальянских наемников — единственных, кого по-настоящему боялись.

Армиям Карла VIII не потребовалось много времени, чтобы уничтожить тот мнимо стабильный мир, в котором рос и выросел Макиавелли. Разруха, пришедшая вместе с войной; непосильные налоги, введенные оккупантами; эпидемии, свирепствовавшие в Италии в первые десятилетия XVI века, — все это постепенно подрывало экономическое благосостояние региона. А неспособность противостоять захватчикам продемонстрировала бессилие наемных армий и породила представление об итальянцах как о трусах — французы даже стали поговаривать, что «итальяшки не умеют драться». В свете военных поражений даже бесспорные культурные достижения Италии можно было осудить как знак изнеженности и слабости. Некоторые предполагали, что именно так пала и Греция во II веке до н.э., когда самую развитую цивилизацию Средиземноморья без труда покорили римляне, не знавшие изысканных манер. Всеобщий кризис не затронул лишь понтифика. Его авторитет оставался незыблемым по крайней мере до 1517 года, когда Мартин Лютер, безвестный немецкий монах-августинец, повел свою войну против пороков «нового Вавилона» и тем самым положил начало расколу христианства на два противоборствующих лагеря, что на многие века вперед наложило отпечаток на всю историю Европы. И, видимо, любой, кому довелось — подобно Макиавелли — родиться во второй половине XV столетия, неизбежно пришел бы к мысли о том, что эти нескончаемые бедствия предвещают только одно: конец света.

Научно-популярное издание
Танымал ғылыми басылым

ПЕДУЛА ГАБРИЭЛЬ

НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ СТЯЖАТЬ ВЛАСТЬ, НЕ СТЯЖАТЬ СЛАВУ

Ответственный редактор *Арина Миронова*
Редактор *Владимир Измайлов*
Дизайнер обложки *Юлия Меньшикова*
Технический редактор *Лидия Синецына*
Корректоры *Вера Алексина, Ольга Ануфриева*
Верстальщик *Татьяна Коровенкова*

В оформлении обложки использован
фрагмент портрета Никколо Макиавелли
художника Санти ди Тито

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 10.07.2024.
Формат 60×88/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Charter».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,72.

Серия «Персона». Тираж 1500 экз. W-PRS-33142-01-R. Заказ №
Серия «Исторический интерес». Тираж 1500 экз. W-HIS-33929-01-R. Заказ №

Изготовитель:
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» —
обладатель товарного знака КоЛибри
115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ
Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус»
в г. Санкт-Петербурге
191024, г. Санкт-Петербург,
ул. Херсонская, д. 12–14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России.

Өндіруші:
«Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ —
КоЛибри тауар белгісінің иесі
115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский
муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қаласындағы
«Азбука-Аттикус» Баспа Тобы» ЖШҚ
филиалы
191024, Санкт-Петербург,
Херсон көшесі, 12–14-үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

